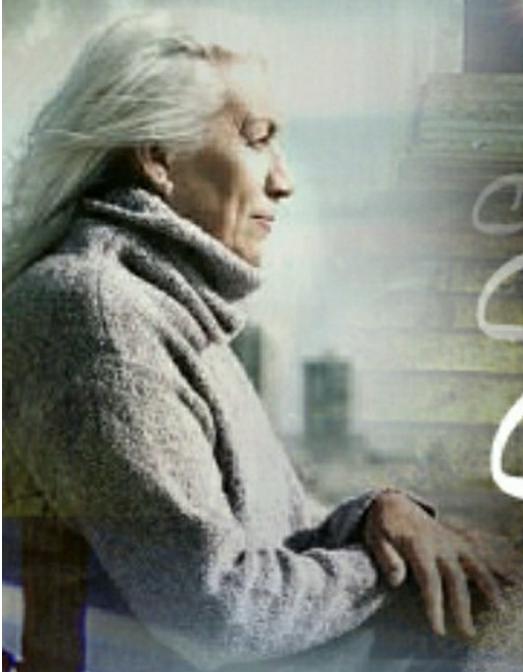


Александр ТОЛКАЧ

ЧУВСТВО



*стаи
стаи
стаи*



12+

Александр Толкач

Чувство Стаи

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Толкач А. А.

Чувство Стаи / А. А. Толкач — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Первая новелла из цикла «Будни Мегалополиса». Это жизнь большого, сумбурного и многоликого города Москва. В нем кипят в общем котле жизни миллионов людей и миллиардов живых существ. Жизнь в нем настолько быстрая, сложная, меняющаяся, что отдельные проявления необычного происходят совершенно незамеченными вечно движущимися массами людей.

Содержание

| | |
|---------------------------------------|----|
| От автора – рекомендовано к прочтению | 5 |
| Глава 0. Мечта | 6 |
| Глава 1. Завершение сна | 7 |
| Глава 2. Первое понимание | 22 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 23 |

От автора – рекомендовано к прочтению

«Чувство Стаи» – первая новелла из цикла «Будни Мегалополиса», задуманного мною еще в 1996 году. Тогда же сложился сюжет для «Чувства» и «Диалога», но писанина была отложена в долгий ящик, чтобы снова появиться на свет уже в новом тысячелетии. Конечно, признаю, я раскачивался непростительно долго. Обидно, что за эти годы, когда-то казавшиеся уникальными сюжетные линии, нашли схожее воплощение у других, куда более успешных писателей. Ну да ничего, надеюсь, мне удалось все-таки создать что-то свое и избежать незаслуженного обвинения в плагиате.

Как и все первое, у «Чувства» были все шансы стать комом. Вроде, этого не вышло, но, тем не менее, история этого текста получилась непростой. Поначалу он задумывался как небольшой рассказик, скорее даже юмористический, который бы ввел в цикл крыса Грызю и дал бы мне возможность немного размяться в мире Будней Мегалополиса, прежде чем заселять его глобальными и сложными событиями.

Но по мере написания текста, его объем рос, сюжет закручивался. Еле-еле я удержался в объеме 18 тысяч слов, превратив рассказ в новеллу, но и то первые читатели, мои уважаемые «бетатестеры», в своей критике указали: сухоовато получается. Надо раскрепостить текст, сделать его более насыщенным.

Кроме того, в «Чувство Стаи» постепенно пришлось включить эпизодические элементы, вводящие информацию, которая станет важной в первой большой книге цикла: «Не сложившийся диалог». Так вот и разбух первый рассказ до 35 тысяч слов (или 200 тысяч знаков). И стал не просто разминкой, а полноценной первой ступенькой цикла.

Кстати, что любопытно: получилось так, что большая часть персонажей или имеет реальных прототипов, или собрана из нескольких реальных существ. В частности, крыс Грызю и ученый Артем Николаевич – вполне себе реальны. У них даже жизненные истории схожи с их книжными героями. Только зовут ученого в жизни иначе. А Грызю, увы, давно скончался от старости дома у своего хозяина – электронного пирата Федора, который, ломая компьютерные игрушки, все студенческие годы кормил меня переводами.

Что такое вообще «Будни Мегалополиса»? Это жизнь большого, сумбурного и многоликого города Москва. В нем кипят в общем котле жизни миллионы людей и миллиардов живых существ. Жизнь в нем настолько быстрая, сложная, меняющаяся, что отдельные проявления необычного происходят совершенно незамеченными вечно движущимися массами. В самом деле, уверен, высадишь в Москве экспедиция инопланетян, появишься привидение Юрия Долгорукого – это заметят только те, кто с ними столкнется. Остальные же обитатели города все также будут спешить по своим делам, разве что возмущаясь, мол, понапооявлялись тут всякие... Как пришелец, так и ушелец...

Но необычное происходит. Оно не может не происходить. Ведь там, где кипит жизнь такого объема и плотности, где разумная деятельность сконцентрирована, где исторические и культурные пласты перемешаны до невозможности, где работают лаборатории, молятся верующие, ворожат и гадают шарлатаны и колдуны – что-то должно происходить. И те, кто сталкивается с ним – становятся другими. Их жизнь взрывается разноцветным фонтаном. Для кого-то он закончится гибелью. Для кого-то познанием себя. А кто-то стряхнет произошедшее с мозгов – и пойдет дальше по своим делам, постепенно забывая, что что-то вообще происходило. А кому-то придется выбирать. Выбирать между... Но пойдем ли мы о чем этот выбор?..

Ну и, пожалуй, главное. Мегалополис. Варев информации, хаотично бурлящей и текущей во все стороны. Что возникает из этого информационного обмена?..

Глава 0. Мечта

Дверь влажно гроыхнула, пробудив эхо в старом тоннеле.

– Дожили! – рассмеялся вошедший. – Уже дверьми хлопаю.

В свое время за такую несдержанность любой из его наставников не преминул бы наказывать излишне эмоционального изыскателя. Каждый по-своему. Наказания у идущих восточным и западным путем различались, но всегда четко выполняли свою функцию. Впрочем, годы ученичества все равно давно миновали.

– Ученик оказался достоин потраченного на него времени! – звонко прокричал мужчина в пустоту.

Годы и раньше не слишком задевали его тренированное по куче разных методик тело, но сегодня он чувствовал себя совсем юным, не старше двадцати лет. Предвкушение грандиозного успеха пьянило и не давало вернуться привычному настрою на спокойствие и сосредоточение. Ему удалось передать это предвкушение и государю. Он видел, как глаза молодого, но не по годам сметливого и активного монарха засветились тем же предвкушением победы. Пусть теперь окружающие трон лизоблюды помучаются: о чем тот так долго говорил со своим необычным советником, носящим чуждое, иноземное прозвище...

В темном углу этой рукотворной пещеры, там, куда почти не доставал свет зажженных вошедшим дорогих восковых свечей, что-то пискнуло. Крысы были извечными обитателями подмосковных лабиринтов. Наверное, с их точки зрения, они имели на эту территорию не меньше прав, чем шумные двуногие, давно основавшие тут свое убежище...

– Сегодня я принесу счастье своему народу. Своей, как вы бы сказали, стае! Стану кормилом судьбы! – обратился необычный советник царя к этому писку. – Чего и вам желаю... Завтра принесу вам полакомиться... Эх, так все и не доходят руки разобраться, кто же все-таки над вами когда-то поработал так оригинально...

Раскрыв принесенный сверток, мужчина достал не слишком аккуратно переплетенную книгу. Задумчиво взвесив ее в руке, он шагнул к одному из стоящих по стенке сундуков, немного припорошенного неизбежной пылью стылого подземелья.

– Полежи тут, спутник моей борьбы... – пробормотал он, откидывая обитую металлом крышку. – Когда все упорядочится окончательно, когда мой эксперимент будет завершен, придет время тебе быть переписанным начисто. И стать книгой. Великой книгой. А пока полежи тут. Подальше от чужих глаз. Да и сохраннее тут, если что.

Тяжелая крышка ухнула на место. Принесенная книга погрузилась во тьму. Ее автор, так и не сумевший побороть привычку говорить с собой вслух, даже не подозревал, какой долгой будет эта тьма...

Глава 1. Завершение сна

Нить, контакт.

Мария недоуменно нахмурилась, разглядывая получившийся снова расклад. Ее старые, почти никогда не дававшие сбоев, карты снова подсказывали ей одну и ту же картину: просыпающийся штурвал. Но разобраться в этом образе многоопытная гадалка так и не могла, хотя билась над преследовавшей ее загадкой уже второй день. Штурвал... То, что меняет направление... Просыпается? Но почему просыпается?

Медленно, она открыла наугад еще одну карту – этого не было в классической методе, но она часто прибегала к интуитивным отхождениям от правил. В конце концов, ее ремесло существовало только на интуиции и озарениях, что бы там ни писали новомодные толстые книги по искусству Таро. Книги! Учебники! Какая глупость...

– Так, и что же это мы имеем? Что за морские темы такие? – пробормотала она, поглаживая указательным пальцем давным-давно полинявшую картинку ручной раскраски.

Со старой поверхности лаковой карты на нее, раззявив бездонную пасть, глядело морское чудище – что-то среднее между кашалотом и крокодилом. Бурная же была фантазия у ее бабки – Мария не променяла бы эту колоду, как положено – полностью самодельную – ни на какие другие. У бабки был талант художника. Не родись та цыганкой и доживи до сегодняшнего дня, наверняка стала бы знаменитостью в мире модных комиксов-ужастиков или аналогичных мультфильмов.

– Интересно, – снова пробормотала она, нахмурившись, – хочет ли это чудо-юдо поглотить пробуждающийся штурвал, или просто плавает вокруг?.. Ох-хо хо... старею я, наверное...

Привычные руки плавно собрали колоду и положили ее в потертый кожаный футляр. Мария вздохнула и потянулась, хрустя позвонками:

– Ну да ладно. Не понимаю, значит не понимаю.

Сигнал пришел и ушел, не оставив следа.

* * *

Нить, контакт.

– Что-то мне сегодня не по себе стало! – обвиняюще обратился Артем Николаевич к Хо Да Ену. – Ты зорко бдишь? А?

По понятным причинам собеседник промолчал.

– Ладно, знаю, знаю. Бдишь... Но все-таки как-то тревожно. И как на зло – только в голове начала стройная такая мыслишка выстраиваться... Эх, кажется, упустил... Надо бы за это дело чайку – взбодриться.

Покачав твердым желтоватым указательным пальцем на свою охрану, пожилой ученый отправился на кухню, тихо шлепая теплыми войлочными тапками. Лаковая маска на стене осталась на своем посту – зорко глядеть в захлавленную пустоту холостяцкой квартиры. Хо Да Ен – он же «Проект №19/2456» бдел. Просто в его функции не входило оберегать хозяина от тревожной информации.

Сигнал пришел и ушел, не оставив следа. Хотя как раз Артему Николаевичу стоило бы прислушаться к этой струйке информации как никому другому... Но даже его монументальный опыт сегодня подвел.

* * *

Темнота и сырость. Теплая темнота и уютная сырость. Это был волшебный, многообещающий и совсем еще непознанный мир, окружавший Грызю в его доме. С тех пор, как у него открылись глаза, он начал активно исследовать окружающее и окружающее не переставало изумлять его. Впрочем, в вечной темноте гнезда глаза-то как раз пока были практически бесполезны. А вот нос, а вот вибриссы, растущие вокруг него... Мир был прекрасен. И пока еще совсем не страшен.

В центре мира, разумеется, находилась Мать. Большое, теплое и пушистое, она кормила выводок молоком, и маленькие серые комочки радостно попискивали, толкаясь у заветного источника жизни. В промежутках между кормежкой и сном, приносящим непонятные образы и видения, крысята потихоньку начинали осваивать окружающую территорию. Она тоже была продолжением их дома, но уже дома Стаи.

С гнездом все было понятно – маленькое, но их собственное пространство, четко обозначенное соответствующими запахами и метками. Гнездо находилось в некой ровной емкости, старой и мягкой на ощупь. Емкость была великовата, но основательно заполнена странными шелестящими предметами, состоящими из множества тонких листков, стиснутых в толстые пачки. Эти предметы, тоже старые, мягкие и рассыпающиеся, как раз заполняли дом настолько, чтобы создать в нем уют. Прекрасное гнездо. Образцовое. Впрочем, таких слов Грызю тоже еще не знал.

А вот за пределы гнезда высовываться бывало страшновато, хотя и неизменно любопытно. Во-первых, там ходили и жили другие члены Стаи. Некоторые были больше и сильнее Матери, некоторые главнее, хотя это и казалось кощунством. Во-вторых, там было совсем не так тепло, и не все запахи были понятны. Ну и, наконец, неподалеку жило Что-то. Странно. Это Что-то не пахло, не оставляло следов, но оно было. Даже нет, Оно иногда бывало. То ли приходило откуда-то издалека, то ли просыпалось. Разве можно понять нечто, столь отличающееся от нормального мира? Его присутствие ощущалось как запах, который на самом деле не запах. Странное чувство, улавливаемое на самой грани осознания где-то в голове. Так, что даже и не поймешь, а чем ты его почувствовал. И почувствовал ли.

Но самое главное – То, что жило у них, было огромным. Гигантским. Куда больше самого крупного члена стаи. Больше, наверное, всей стаи вместе. Кстати, иногда Оно все-таки было видно. Как раз впервые Грызю и воспользовался блестящими бусинками глаз, когда Оно в очередной раз пришло к дому Стаи. Слабый, еле уловимый свет очерчивал контуры невероятно огромного существа, стоящего на задних лапах. Со смешной круглой головой и большими глазами. Не издавая ни звука, Оно проплыло к гнезду, где сжался в комок выводок Грызю. Чудно, но в движении его лап и реальном перемещении существа в пространстве было какое-то смутное противоречие. Колонна верхней конечности протянулась и... как будто погладила стены Гнезда. Тусклый свет едва проник внутрь, но этого хватило, чтобы крысята впервые *увидели* друг друга, добавив зрительную информацию к тому, о чем раньше рассказывали их носы и вибриссы.

Мать, казалось, почти не реагирует на присутствие Его, только недовольно фыркнула и оттопырила уши, чтобы лучше слышать происходящее. Это успокоило Грызю. Раз Мать не боится, значит, все в порядке. В тот раз еще какое-то время Оно побыло рядом, а затем все также бесшумно уплыло к другим емкостям, многие из которых содержали другие гнезда Стаи.

Так что Оно было не страшным. Просто очень непонятным. Позже, получая положенные своеобразные уроки социального поведения, Грызю узнавал обо всем. Об отношениях в стае, о правилах общения, о Вождях стаи, о том, где и как ищут еду. Да мало ли чему приходится учиться молодой крысе! А вот о таинственной сущности никто ничего определенного поведать не мог. Да, живет тут кто-то. Да, похоже, безвредно. Нет, в других местах таких, кажется, не видали.

Хотя по последнему пункту были и разногласия. Опытные крысы утверждали, что наверху, где светло, живет много огромных существ, один в один похожих на То, что живет у них. Только они оставляют запахи, производят звуки, даже шум, колеблют воздух и землю. И вовсе небезопасны. Ну и, наверное, главное отличие – существа наверху вполне материальны. Могут схватить, могут ударить. А вот То, что живет в стае – совсем наоборот. Только пахнет без запаха и иногда немного светится. А воздух совсем не тревожит, словно живет, не касаясь его.

А в принципе, крысы привыкли к своему странному сожителю. Мало ли чего живет вокруг. Не трогает – и хорошо. Стая жила на этой территории бесчисленные поколения и не собиралась отдавать ее из-за смутных страхов. Тем более, что Оно приходило к Стае также с давно забытых времен. И многие поколения обитателей стылого подземелья спорили о том, что же Оно такое...

Еще у Грызи была личная тайна. Когда-то, совсем крошкой, он обнаружил, что если прошебуршаться вовнутрь, прямо между листьями одного из наполняющих Гнездо предметов, самого целого, то через некоторое время в нем становится особенно тепло. А если уснуть, то снится Голос. Правда, проснувшись, Грызя так и не мог понять, что этот Голос говорит. Но интересно же. Да и спать теплее, чем где бы то ни было еще. Отличная находка.

* * *

Беда пришла неожиданно. Сначала где-то в холодной дали каменных тоннелей, которые Грызя только еще начинал осваивать, послышался многоликий шум. Потом там же появился странный, незнакомый, дрожащий красным, свет. Наконец, стали различимы огромные мечущиеся тени, отбрасываемые ненормально большими существами. Теми, которые, как говорили, с поверхности, где светло.

Старые крысы были правы – обитатели верхнего мира были очень похожи на То, что приходит к стае. Только эти гости были плотные, пахнущие и шумные. И земля слишком ощутимо дрожала при их приближении.

– Леш, а Леш! Посвети-ка сюда. Смотри, народ, точно сундуки! Говорил же я вам, что это – новый тоннель! А вы мне "хожено давно, хожено"!

– Блин, и вправду. И пыли на полу – сразу видно, давно никого не заносило.

Возбужденная группа из четверых диггеров радостно ввалилась в комнату, куда привел их свежоткопанный тоннель, затерявшийся в бесконечных подмосковных лабиринтах.

– Ребят, а вдруг это Библиотека? – неуверенно задал вопрос самый младший в группе, сверкая в темноте восторженными зелеными глазами. Его ярко-рыжие волосы, казалось, усиливают блики фонарей.

Через секунду, подумав, ответил старший в команде, высокий крепкий мужчина с квадратной челюстью и грубым лицом. Лента крепления фонаря с трудом приминала его жесткий черный ежик:

– Не, Рыжий. Вряд ли. В библиотеке Ивана Грозного, думаю, побольше сундуков было. Но какая разница? Что-то нетронутое найти – уже круто. Да еще и в этом районе.

– Правильно, Андрюх. Нам лучше золото! – шутливо поддержал капитана команды Алексей, поправляя налобный светильник на выбритой налысо голове и перебегая глазами с окружающих стен на какие-то наброски в блокноте.

– Только аккуратно, народ. Без мародерства! – строго встрепенулся капитан.

– Ясное дело! Мы люди скромные...

Перекликаясь, молодые люди быстро разбрелись по комнате, выбирая себе по персональному сундуку. Каждый, желая почувствовать себя первооткрывателем. Как раз пять сундуков на

четверых, всем хватит. Чуть слышно скрипнуло. Но ржавые петли и запоры не давали открыть крышки, из последних сил охраняя давно заброшенные секреты.

– Да оно же тухля! – наконец воскликнул Макс, отчаявшись открыть сундук как положено.

Быстрым ударом тяжелого охотничьего ножа он легко снес часть прогнившей стенки «своего» сундука. Его каска – единственная в группе – склонилась над открывшимися внутренностями.

– И в самом деле, книги. – Констатировал Андрей, проделав такую же дыру в своем сундуке и, нагнувшись, разглядывая содержимое.

– Угу. Старые совсем и сыпятся. Что делать будем? – спросил Рыжий. Как-никак, единственный настоящий историк в группе.

Андрей поскреб щетину перчаткой и предложил:

– Вот что. Возьмем пару наиболее сохранившихся наверх. Посмотрим. Подумаем. Потом можно и другим про это место рассказать. В смысле, ученым.

– А крыс-то здесь, крыс! – недовольно поморщился Рыжий, разглядывая прячущиеся от света серые тени.

– Ты с ними поаккуратнее. А то как укусят. Они, между прочим, до горла допрыгивают! – ехидно просветил друга Алексей.

– А у меня тут, вроде, сундук с неплохо сохранившимися экземплярами. – Подал голос притихший Макс, добравшийся до последнего сундука. Его длинные спутанные волосы смешно торчали из-под необычной каски. – Только тут выводок крысиный.

– Ну так доставай аккуратно, чтобы не цапнули. Помочь? У меня перчатки крепче будут, – отозвался капитан.

– Ага, Мор, достанешь тут... – пробурчал Макс, ножом отгоняя вглубь сундука разъяренную крысиху и быстренько ухватывая самый сохранный на вид переплет. Совсем нетолстый, но, кажется, не совсем и сгнивший.

Книгу Макс торопливо засунул в мешочек из серебрянки и пристроил под клапан своего рюкзака. Больше диггерам не везло – прочие книги рассыпались в труху прямо под пальцами. Остальной урожай составил всего пару отдельных листов, чьи строки вряд ли поддавались смысловому анализу. Подземелья губительны для книг...

Капитан, поморщившийся от старой клички, по которой его в глаза называл разве что только Макс, да и то нечасто, скомандовал:

– Ну все, пошли отсюда. Золота и драгоценных камней не предвидится, а нас ждать будут на выходе, опоздаем. – Андрей посмотрел на часы, машинально фиксируя в памяти время, температуру и примерную глубину их места нахождения, любезно подсказываемые электронным чудом на его запястье.

Команда капитана была воспринята серьезно – оговоренное с другими группами время – это святое. Четверо диггеров отправились в обратный путь. Лысый Алексей попутно быстрыми штрихами чертил найденный тоннель на карте. Сюда еще придут. И не раз.

Вскоре их шаги затихли в сети подземного лабиринта и темнота снова заняла свое законное место под сводами древней пещеры. Только писк растревоженных крыс нарушал тишину. Да что-то, похожее на стенания. Но кому стенать в этих каменных хоромах, куда столетия не ступала нога человека?..

"Плохая была идея спрятаться в предмете где-всегда-тепло..." – думал Грызя, задыхаясь меж листов старинной книги, плотно упакованной в рюкзаке Макса...

* * *

– Надо же, крысенок!

- Ни фиги себе! Ну ты, Макс, даешь! Как ты его не заметил?
- Да тут и так переплет покорило, а он маленький. В темноте спешил, не обратил внимания.
- Живой, или задавило?
- Вроде, еще жив...
- Что делать будешь, Макс?
- Что... Себе оставлю. Отпустить – погибнет, наверное. Мелкий еще. А я давно хотел крыску завести. Вот и судьба. Надо будет ему жилье подготовить...

* * *

Сигналы неслись в пространстве, сплетаясь и разбегаясь, закручиваясь в сумасшедшем вальсе. Сотни, тысячи, миллионы сигналов. Бесконечный водоворот информации, переносимый всеми мыслимыми и немыслимыми способами. От звуков и запахов, до вибрации нитей мироздания. Вечное плетение, густеющее год за годом. Водоворот, который в данной точке голубой планеты давно превысил некую критическую массу. Перешел ту границу, за которой хаотичное движение информации порождает свое собственное подобие единого, активного и осознающего себя разума.

И сейчас этот разум чувствовал, что период привычного течения жизни меняется. Приходил новый цикл. Поворот, когда слои времени незаметно перехлестываются, вызывая всплытие на поверхность давно забытых вещей и явлений. Не впервые – такие периоды уже приходили на памяти города-разума. И каждый раз они несли с собой изменения. Вот и сейчас. Еще ничего не произошло, но волны информации подхватили и понесли в себе новые нити, новые частицы. Жизни небольшой группы существ, населяющих город-разум, еще незаметно для них самих должны были сплестись в едином клубке.

В своеобразном зрении города эти жизни, еще разнесенные, уже сейчас стояли рядом, сбившись в тесную кучку. Одна из них – давно ушедшая, но еще сохранившая активность. Группа совсем молодых. И одна, почти копия первой, но по-настоящему живая, активная. И где-то в стороне висело нечто... Опасность. Жажда и голод. Разум-муравейник вздрогнул всем своим несуществующим телом информационных потоков. Это содрогание пронеслось по зримому миру людей волной мелких, но необычных сдвигов. Где-то студенты вспоминали никогда не выученные материалы, где-то бухгалтеры недоуменно смотрели на простейшие столбики цифр. Где-то светофоры мигнули неположенным сигналом.

Были люди, чьи разумы более остальных чувствительны к информационному потоку вокруг. Они могли почувствовать и мысль, вызвавшую содрогание города-муравейника. Но нет, они не подцепили нить данных. Встрепенулись и успокоились. Сигналы пришли и ушли, не оставив следа...

Город не любил опасность. Он был готов вмешаться в происходящее, но по возможности старался избегать лишнего насилия над свободой действий составляющих его ячеек. Ведь их свободная активность и составляла его разум. Их дела были его виртуальной кровью. И его смыслом. Любое вмешательство нарушало гармонию этой странной, почти невозможной жизни... Хорошо, что пока еще можно только наблюдать... Пузырек всплывал из глубины времени, но на его пути еще много развилок. Как оно будет дальше? Пока еще можно только наблюдать.

* * *

"Дома в Стае было, конечно лучше. Уютно и защищенно. А тут никаких особых удобств. Разве что воздух всегда теплый, но это, если подумать, не самое главное в жизни. И это неве-

роятное существо, – "человек", кажется? – решило, как я понял, заменить мне Мать и стаю само. Ну и глупо. Как же он мне мать заменит, когда он совсем почти лысый и такой огромный? Ни приткнуться, ни погреться. Не вылизывает меня никогда. Говорить нормально не умеет. Меня не понимает. Про запахи, похоже, совсем не знает. Никакого общения, никакого социального порядка. Да и какой социальный порядок, когда в доме только он, да я? И друг друга не понимаем?" – думал Грызя, лежа на чем-то мягком, что Макс определил под его подстилку.

Он вздохнул и поводит носом из стороны в сторону. "Ладно, хоть с едой тут все нормально. Не знаю, как эти человеки ее добывают, но нехватки я не заметил. Мало того, что он мне три раза в день в мое убежище кладет порцию, которой можно весь наш выводок накормить, так еще и во время прогулок можно в округе столько всего найти... А вот со свободой тут плохо. Запихнул он меня в странное убежище, которое прямо на стене подвешено. Прямоугольное, твердое. С передней стороны стенка прозрачная совсем. И двигается – открывается и закрывается. Как такое может быть – не знаю. Про прозрачные стенки мне никто никогда не рассказывал.

Что интересно, пахнет этот мой новый дом так же, как и старый – этими смешными предметами из большого числа тонких листов. Только запах резче. Как будто свежее они тут были, что ли? Не знаю...

А вот мой любимый предмет, который греет во сне, у меня отняли совсем. Иногда я его видел издали – эти человеки, что иногда заходят к нам, его рассматривали. Тормошили. Потом клали во что-то, что жужжит и зеленым светом светит. Испортят ведь такую кровать... Нет, другое мягкое мне в дом тоже положили, но разве оно заменит то тепло? Хорошо бы все-таки назад вернуться..." Но некому было услышать этот рассказ. Дом, стая – все осталось далеко позади. Где-то внутри Грызя знал – назад, в покинутое прошлое, дороги уже не будет. Придется начинать строить новую жизнь, создавать себе новый Дом... И человеки, похоже, будут немаловажной частью его ближайшего будущего.

* * *

Грызя лежал в своем новом домике с прозрачной стеной. Несмотря на непривычность, плюсы у него, конечно, тоже были. Как сейчас, например, когда прикрепленность к стене давала возможность обозревать все происходящее в комнате не поднимаясь с подстилки. Да с таким питанием двигаться Грызе уже не слишком-то и хотелось. Животик уже начал формироваться совсем не такой, какой положено иметь растущему молодому самцу.

Тем временем в комнате, где и висела книжная полка, переквалифицированная в новый дом Грызи, снова собралась та самая компания, которая и была виновата в его переезде. Блестя глазами за частично задвинутым пыльным стеклом, Грызя с интересом следил, как огромные двуногие сгрудились вокруг его бывшей любимой кровати.

– Ну что сказали? – спросил Макс у Рыжего, в очередной раз разглядывая старинный переплет, который тот достал из своего студенческого рюкзака.

– Понимаешь, Макс, тут кое-что не связывается. Книга написана на латыни, но полной жаргонизмов и странных оборотов. Фактически это – какой-то шифр. Типа тайного тематического языка для посвященных. Удивительно то, что по всем признакам книга очень старая. По идее, – юноша пожал плечами, – должна была бы там сгнить давно, как и остальные книги и свитки в сундуках, ты же видел. Но не сгнила... Причем совсем. Загадка, честное слово. Я сам не сразу сообразил, что тут не так, а потом как долбануло: почему она сохранилась?..

– Так, может, ее пропитали чем? – предположил практичный Андрей, открывая предложенную Максом бутылку "Балтики" о крышку старого стола, давно исцарапанного такими вот привычками. Его серьезные карие глаза задумчиво буравили непонятную находку.

– А фиг его знает, честно говоря. Профессор, к которому я обращался, сказал, что он о подобных вариантах использования латыни слышал. Когда переводили работы какого-то немецкого алхимика. Или колдуна. Или чернокнижника – я не помню. Типа был у некоторых школ европейской алхимии свой язык для посвященных. Между прочим, если наш автор – алхимик, то мог и пропитать, конечно, чем-то для сохранности... – Рыжий задумчиво потер нос, просительно протягивая свою бутылку капитану. У него все никак не получалось привыкнуть к народным способам открывания пива.

– Ну а говорится-то там о чем? Хотя бы в принципе? – встрял Макс, глядя, как Андрей повторяет процедуру, оставляя новую зарубку на его рабочем столе.

– Да не все так просто. Думаешь, легко перевести что-то со старой латыни? А еще и фактически зашифрованной? Я тебе что – проект "Эшелон"?! Первые страницы, кажется, – что-то вроде дневника. Есть участки, написанные относительно нормальным языком, там что-то о том, как то ли хочется, то ли может стать богатым, популярным и великим. Немного о каком-то правителе. А вот дальше даже профессор только руками разводит. Впрочем, даже без особого знания языков сразу бросается в глаза, что там куча формул, схемы какие-то, похоже, есть описания последовательности движений.

– Да уж, – поддержал Рыжего Алексей, – такое и на русском не всегда поймешь, а уж на неизвестном языке...

– И все-таки? – не сдавался Макс, – Что твой профессор говорит?

– А чего, «все-таки»... Он в итоге сказал мне, что ему не до этих глупостей. Он вообще, мне кажется, начал подозревать, что я ему эту книгу как прикол подсовываю. Уж больно хорошо сохранилась – подделкой пахнет. Послал он меня в конце-концов мягко, но настойчиво...

– Как так послал? – возмутился Макс, – Она же старинная! Ее же в музей продать можно!

– Угу. Ты поди, продай. Говорят же – слишком хорошо сохранилась. Экспертизы делать надо, то се... Все равно могут не поверить в итоге. Да и в какой музей, если не понятно, что это вообще такое? Ни какому периоду принадлежит, ни что содержит.

– Ладно, народ, не будем спорить! – вмешался Андрей. – Что нам теперь дальше делать – это вполне можно обдумать спокойно и неторопливо. Мы ведь никуда не торопимся, правда?

Алексей отошел от стола и принялся разглядывать крыса за стеклом пустой книжной полки. Крыс в ответ с не меньшим любопытством взирал на его блестящую голову.

– Может, еще раз в то подземелье сходим? Посмотрим, что там еще есть? Уже повнимательнее? – предложил Алексей, подумав. – Глядишь, еще какие следы найдем, если вдумчиво поискать? Или ключ к примерному возрасту этого склада?

– Нет, Леш, ну его. Сезон же кончается. – Заволновался Рыжий. – Холодно, противно. Да и времени нет – учиться пора. Я пас. Вы забыли, сколько туда чесать? – самый младший член группы знал, что ему в ближайшее время походы уже не светили – надо было плотно задуматься об учебе.

Макс, заметив, что Андрей увидел с каким умоляющим взглядом Рыжий отреагировал на предложение еще раз спуститься под землю, понял, что капитан не станет огорчать впечатлительного друга.

– Тогда что, тупик? – погрустнел Макс, лелеявший мечту удачно продать находку, для чего ее все-таки надо было еще изучить.

– Ну, подземелье-то от нас не сбежит. Карта есть, туда, как двести лет никто не ходил, так и не придет, думаю, – Андрей оставался спокойным, рассеянно вертя в руках какую-то железку из бардака Макса. – А вот книгу бы еще пошуровать надо попробовать. Хотя бы понять, с чем примерно дело имеем. Как думаешь, Рыжий? Ты у нас главный тут по истории?

Ответить молодой историк не успел.

– Слушай, Рыжий, а там ведь схемы какие-то, формулы, говоришь? – оживился задумавшийся о чем-то Алексей.

– Ну?

– А если моему знакомому "Крейзи" физику их дать? Он же как раз подобными вещами увлекается. А мозг у мужика – о-го-го, на две нобелевки потянет.

– Слушай, а это мысль! – поддержал идею Андрей. – Он не пошлет, наверное, ты же сам говорил – он любопытный, да и у вас отношения хорошие... Вполне реальна идея.

– Ну тогда гуд. Я ему позвоню, договорюсь. Книгу пока брать не буду – пусть у Макса полежит или Рыжий еще попробует по своим каналам ее помучить. А там решим, ок?..

* * *

Как и ожидалось, знакомый Алексея легко согласился посмотреть на находку диггеров и пригласил молодых людей заехать к нему домой.

– Зачем крыса-то с собой брать, я не пойму? – удивлялся Макс, засовывая Грызю в небольшую спортивную сумку и пытаясь застегнуть молнию. Крылья его спутанного каре энергично мотались в такт движениям.

Грызя упирался изо всех сил, категорически отказываясь быть запертым в темноте.

– Понимаешь, Макс... Мне трудно это объяснить по-умному... – Алексей машинально погладил рукой лысину. Жест, заменявший ему задумчивое почесывание головы. – Но Артем Николаевич всегда говорит, что любая деталь важна. А крыса мы нашли прямо в книге. Ну вот пусть ему и будет максимальное поле для изучения. Кто знает – вдруг на твоём питомце следы остались? Или еще какую связь найдем?

– Да какие следы! – Макс наконец умудрился одним движением протолкнуть серое тело вглубь сумки, убрать руку и рывком застегнуть молнию. – Какие следы, если он умывается по пол дня, как кошка?

Серые глаза Алексея стали серьезными.

– Макс, ну я не знаю. Но, честно говоря, мне случалось и раньше слышать о совпадениях куда более диких. А уж то, что знает о всяких невероятностях Артем Николаевич – я даже боюсь себе представлять. Не дай бог приснится.

– Но ты же сам его "крэйзи" называешь? – удивился Макс, закуривая.

– Это, Макс, любя. – Алексей отодвинулся от дыма и продолжил, выразительно покачивая указательным пальцем. – Мужик он, конечно, чудной. Со своими тараканами. И на сумасшедшего ученого из комиксов похож в чем-то. Только учти, он действительно человек гениальный. Если бы такие как он чаще руководили нашими военными ка-бэ, а не просто работали в них, то я тебе отвечаю – мы бы давно вместо Сочи путевки в Союзную Республику Флориду в профсоюзах получали.

– Хе... Красиво. Ну ладно, поехали к твоему гению. Только давай попробуй пошустрее – а то видишь, как крыс в сумке бесится.

– Пошустрее... В такую-то мокрицу, дождь же с утра льет... А на резину нормальную вы когда обещали мне скинуться, между прочим?.. – притворно возмутился Алексей, нахлобучивая шапку. – Ладно, будет тебе шустро, не волнуйся. Смотри только, чтобы твой зверь мне чехлы не зассал. Стирать тебе если что.

Темнота взмыла вверх, слегка сдавив Грызю матерчатыми стенами. "Ничего," – думал молодой крыс, ощупывая вибриссами внутреннюю сторону молнии. "Ничего, если через нее можно войти, то можно и выйти. Мать так учила, а она не ошиблась." Макс даже не представлял себе, насколько китайская молния уступает по способностям дикому московскому пасюку.

* * *

К двери квартиры известного в узком кругу посвященных лиц ученого-физика Артема Николаевича Стягина, за глаза иногда называемого Крейзи, друзья подошли в напряженном молчании. Макс старался лишней раз не попадаться Алексею на глаза и, с трудом сдерживая улыбку, держался позади. Алексей же еще сохранял на лице нездоровый румянец, и руки его немного дрожали, что было совершенно не свойственно обычно флегматичному молодому человеку.

– Между прочим, у этой бэ-эм-вухи один бампер как несколько моих зарплат стоит... – продолжал Алексей бухтеть, медленно остывая.

– Ну, Лех, ну откуда же я знал, что этот зверь молнию изнутри расстегнуть может? Сам представь, там же уцепиться не за что...

– Откуда знал... Это же крыса! Они, знаешь, какие сообразительные? Думаешь, фигли их так все хозяйственники не любят? Их перехитрить – еще уметь надо! А ты в китайскую сумку! Я тоже лопух, проморгал...

– Ну, Лех, это ты у нас умный... Инженер-краснодипломник и все такое.

– Умный... Но кто твоего зверя просил мне на колени прыгать, а? Я же от неожиданности так на газ даванул!.. Эх! – Алексей бессильно махнул рукой. – Раскормил, понимаешь... Думаешь у тебя бы не дернулось ничего, когда тебе на яйца килограмм когтей и клыков прыгает?!

– Лех, ну ты же знаешь, он же совсем ручной и добрый. Никого никогда не кусает. А прыгнул, небось, сам со страху. Или от холода. Или играть захотел... Да и сиденья он тебе не зассал нигде...

– Я их сам чуть не зассал! – разъяренным полусшепотом взорвался Алексей. – Играть, твою... Ладно, – одернул он сам себя, стремясь поскорее успокоиться, – еще поговорим. Пришли. Смотри, не ляпни при Артеме Николаевиче чего глупого... Он такой мужик – очень глупостей не любит...

Довольный Грызя сидел на плече у Макса и любопытно осматривался сверкающими глазами. Дорога, конечно, была несколько прохладной после тепла квартиры, но веселой. Эти человеки, если подумать, вполне

е полезны. И еду достают, и играть любят. Только шумят много. Но к этому недостатку можно будет привыкнуть...

Он уже научился понимать отдельные элементы людского мира по запахам и внешнему виду. Чутье подсказывало, что они пришли к какой-то незнакомой большой человеческой норе, откуда пахло как-то слишком насыщенно и сумбурно. Некоторые запахи были резкими и неприятными. Другие вкусными и манящими. Но большинство – совсем незнакомыми. Это тревожило и одновременно притягивало любопытного крыса. Было и еще что-то в этой странной норе. Иногда в букете поступающих в мозг сигналов пробивались слабые нити чего-то... Чего-то такого, что не было ни запахом, ни светом, ни звуком. Того, что будило уже стирающиеся воспоминания о покинутом Доме. О том, что делало его таким непохожим на окружающий мир...

– Ну, здравствуйте, молодые люди. Проходите.

Поприветствовал гостей Артем Николаевич, с любопытством глядя на Грызю и без особого любопытства осмотрев Макса. Умные серо-карие с зелеными крапинками глаза молодого блестели на его уже начавшем морщиться вытянутом лице. Тонкий белый шрам пересекал левую щеку, сбегая от серебристо-серого виска и исчезая под воротником поношенного темно-зеленого свитера.

– И вам здравствуйте, Артем Николаевич, – тем же тоном откликнулся Алексей, привычный к манерам старика. – Как живете?

– Да как живу, Леша. Все так же. Мой век больших перемен уже позади. Но ты, я знаю, не затем пришел, чтобы о жизни болтать. А я еще не настолько в маразм впал, чтобы пользоваться случаем и погундеть по-старчески. Кстати, рад. Давно тебя не видел. Тапки вон в том углу, раздевайтесь и проходите.

Артем Николаевич очевидно был настроен по-деловому. В нем как-то сразу угадывалась тяга к действиям, что заставило Макса поверить в возможный успех их предприятия и слегка приободриться.

– Сначала чай, или посмотрим на то, что вы мне тут принесли? – вскинул бровь отставной ученый.

– А совместить никак? – задумчиво поинтересовался Алексей, незаметно подмигивая Максусу.

– Все-то ты, Леша, правильно понимаешь... – притворно вздохнул Артем Николаевич. – Тогда марш на кухню, что там и где ты знаешь. А мы с твоим другом в рабочую комнату пройдем. Прошу за мной, Макс. Только за зверем своим смотри. А то сожрет чего не того – у меня, знаешь ли, тут такие реактивы есть, самому бывает подумать страшно...

– Во-во! – послышался нарочито серьезный голос быстро удалившегося в сторону кухни Алексея. – И за самим Максом присмотрите, а то дернет за какую ленточку и все: в лягушку. Или взрыв тактический, но ядерный...

– Леша все шутит, – улыбнулся ученый, – а у меня тут действительно кое-что есть... Не зря же на военное ка-бэ всю жизнь, считай, отпахал. Так что и бандитов могу не опасаться, и прочих непрошенных гостей...

Произнося это, он шагнул в сторону и любовно погладил какой-то странный блестящий предмет, висевший на стенке у входа. Максусу потребовалось несколько секунд, чтобы непривычные угловатые линии сложились в картинку – со стены на него глядела гротескная узкоглазая деревянная маска, блестящая старым лаком. Таким чучелом мог бы вполне гордиться какой-нибудь корейский Сальвадор Дали.

– Правда, если подумать, у меня и воровать-то в принципе особо нечего... – задумчиво продолжил Артем Николаевич. – Даже ЦРУ про меня забыло, не говоря уже о родном КГБ, все не запомню, как их сегодня кличут... Ну ладно, вот и мой кабинет.

– А вы молодец, – решил для разогрева знакомства вставить комплимент Максусу, – я-то думал, что нас встретит угасающий старец, а вы, Артем Николаевич, еще меня в футбол, я смотрю, переиграете, с вашей-то энергией.

– Эх, юноша, в моем возрасте только так жить и можно. Кто позволяет себе притормозить и отдохнуть – мертвый человек. А я, поверьте ли, мертвым становиться пока не намерен. Мне еще столько доделать надо, да потомкам попробовать оставить. Если будет кому, конечно. Впрочем, – физик хитро улыбнулся, – за комплимент благодарю, оценил. Добро пожаловать в мою скромную лабораторию на дому.

С этими словами ученый театральным жестом открыл обшарпанную дверь в ту комнату, которая в привычных двух и трехкомнатных квартирах обычно выполняет роль гостиной и столовой одновременно. Мимоходом Максусу отметил, что под небрежно наклеенной пленкой «под дерево» блеснул металлический лист. Впрочем, он об этом тут же забыл. Потому что открывшийся вид на содержимое «гостиной» превосходил своей необычностью не только его жилище холостого компьютерщика, но даже виденное в голливудских фильмах.

– Я в «Назад в будущее», точно! – обалдело воскликнул он через пару секунд тишины, забыв об учтивости.

– Хе-хе, – сравнение Артему Николаевичу явно понравилось, – что забавно, этот фильм мне припоминают довольно регулярно. Я даже специально все серии посмотрел. Совсем не похоже! Там разве ученый... Ихнего Дока да к нам бы в "шарашку" в светлые времена... Быстро бы понял, что к чему в его темпоральном трансклюкаторе...

– Путаєте, Артем Николаевич. Трансклюатор на Плюке. Кин-Дза-Дза. – Серьезно возразил Алексей, нагоняя компанию с полотенцем в руках.

Артем Николаевич согласно покивал головой.

– Вот и я говорю... Кин-Дза-Дзу тоже к нам в "ящик"...

Макс наконец понял, что над ним подшучивают. Несмотря на преклонный возраст и очевидно стареющее тело, разум хозяина дома сохранял остроту и живость. И типично голливудская безумная обстановка его "кабинета", похоже, никак не отражала четкость его мыслительных процессов.

В «большой комнате», как называют ее обычно нормальные москвичи, не было ничего типичного. Ни комодов с посудой, ни журнального столика, ни бара, ни телевизора с неизменным раздвигающимся диваном. Впрочем, нет, телевизор был. Даже не один. Только снопы проводов, вьющихся из раскуроченных стенок "Рубинов" и даже "Тошиб" намекали на то, что новости и сериалы на этом экране уже давно не смотрят...

Зато присутствовало сразу три длинных медицинских стола, над каждым из которых к стене была прикручена неслабая лампа дневного света. Обои в комнате если и были, то давно скрылись за различными графиками, чертежами, записками на память и непонятными панелями абсолютно неопределяемого назначения.

Различные осциллографы, вольтметры, амперметры и прочие коробочки со стрелками и ручками настройки (физику Макс знал на уровне класса четвертого) соседствовали с гнутым стеклом реторт и штабелями пробирок. Но прямо среди этого научного хлама спокойно располагались какие-то негритянские маски, частично развешанные на стенах, пара маленьких барабанчиков, откровенно дальневосточный бубен, кривые и прямые, отполированные и грубые ветки и трости. А на одной из подставок, окруженный паутиной проводов и тонких трубочек, гордо восседал явно драгоценный красный камень размером с хороший кулак.

– Откуда все это? И зачем? – снова потерял самообладание Макс, чувствуя себя первоклашкой, случайно оказавшимся на экскурсии как минимум по Байконуру.

– Как я, кажется, уже говорил, работал я в одном секретном КБ. Руководил несколькими отделами. А когда нас перед перестройкой успешно сократили, то мы с наиболее преданными делу коллегами перетащили на квартиры самое нужное оборудование и продолжили эксперименты в частном порядке... Тогда ведь что не спасли – все разворовали. Что на Запад утекло, что просто пропили, да на цветной металл сдали... Коллеги тоже: кто уехал потом, кто другую работу нашел. Кто умер. Так вот у меня многое из спасенного постепенно и осело. Стал я таким хранителем забытых исследований... Конечно, условия не те уже, чтобы нобелевки строгать, но хотя бы пару направлений я до конца довести смогу. Чтобы совесть была чиста... Да и интересно, черт побери, получить ответы на вопросы, ради которых мы столько горбатились.

– Артем Николаевич, а я так и не понял из Лехиных рассказов, чем вы занимались? И занимаетесь! – поспешил добавить Макс.

– Ох, Максим... Как бы это объяснить, чтобы кратко и понятно...

Ученый постучал задумчиво по своим бледным тонким губам огрызком неизвестно откуда возникшего у него в руке карандаша.

– Ну вот знаю я, что по телевизору сейчас сериал крутят штатовский "X дела", не подумай, что "хреновые". Так вот, чем-то похожим, наверное. Тем, что официальная наука долго отрицала, а народная мудрость наоборот всегда выделяла. Тем, что не существует в научных статьях и на конференциях, но что военные, медики и прочие, хотя, конечно, прежде всего военные, хотели бы получить в пользование... Тут тебе и магия, и мифология, и уфология, и народные чукотские танцы... Много всего.

Артем Николаевич вздохнул и продолжил:

– Понимаешь, и у нас и у США денег в науке, особенно оборонительной, было много, вот и выделили часть на изучение самых безумных, на первый взгляд, идей. А вдруг в куче навоза

кто-то все-таки найдет бриллиант. И у нас и у них пооткрывали таких закрытых лабораторий. Даже мы сами о работе других подобных "ящиков" обычно ничего не знали. Вот и колупались с различными нанополями, экстрасенсорикой, детекторами НЛО да волшебными палочками племени Умба-Сумба... Понимаю, звучит смешно и как-то очень по-киношному... Но ведь и практические результаты появлялись, хотя большинство линий оканчивались, разумеется, тупиками или в лучшем случае загадками.

Макс хотел было улыбнуться, но, посмотрев на ученого, передумал. Спросил серьезно:

– Результаты?

– О, да. И немало. От приборов, которые достаточно точно измеряли экстрасенсорные способности отдельных людей и групп, до работающих "направленных концентраторов-преобразователей психоэнергетики точечного применения", в фольклоре чаще всего именуемых волшебными палочками... У нас одна такая палочка успешно семерых безнадежных раковых больных подняла. Правда, стоила в своем производстве тысяч двести. И не рублей совсем. Эх, где она теперь – единственный прототип...

– И где? – зачарованно спросил Макс. По спокойному лицу Алексея он понял, что тот уже историю знает.

– Где-где... Если не в рифму, то где-то в Штатах. Или Швейцарии. Сперли они после развала и палочку, и документацию, и самого основного ее разработчика. Его потом, правда, нашли, говорят, где-то в морге. Упал из окна. Конечно, они там быстро разобрались, что его присутствия для работы той палочкой не требуется...

– Но как же! Это же такие важные открытия! Почему они неизвестны?

– Ха! – Артем Николаевич грустно усмехнулся, поглаживая стопку старинных канцелярских папок. – Во-первых, грифы секретности никто особо не отменял. Во-вторых, ни одна нормальная Академия наук таких новшества не пропустит – скорее киллера ученому подошлет. Чтобы не вносил сумятицу в устоявшиеся порядки вещей. Ну и наконец, кого из власть и денег имеющих волнуют раковые больные, помимо себя самих? Какой-то паразит прикупил, и пользуется себе на здоровье. Может, пару-тройку близких своего круга лечит. А то и решает, кому из таких же олигархов пожить, а кому и помереть. Зачем ему массовость? Да и мало ли найдется таких причин и факторов?.. Человек вообще создание довольно сволочное в своей массе... Как ты думаешь, Максим, – Артем Николаевич указал на юношу тощим указательным пальцем, – что случится с изобретателем, скажем, почти бесплатной и безопасной электростанции?

– Премия? – неуверенно предположил тот.

– Премия! Почетный венок героя науки. На могиле. Любой нефтяной магнат закопает такого умника вместе со всей лабораторией. Моментально. А то и весь город взорвут, чтобы уж точно даже намек на результаты их работ не осталось! Там, где делают и крутят настоящие деньги, никому не нужны абстрактные блага для цивилизации. В целом важны только личные узко коммерческие успехи. Знал бы ты, сколько таких изобретателей похоронили вместе с их уникальными разработками. Даже в "классических" областях науки. К слову, в фармацевтике тоже миллиарды крутятся. Это я к лечащим "волшебным палочкам". Выводы можешь на досуге сделать сам.

Некоторое время в комнате-лаборатории одинокого энтузиаста от науки царило молчание. Макс переваривал свалившуюся на него информацию, сам ученый предался каким-то своим воспоминаниям, а Алексей курсировал между кухней и комнатой, подготавливая чаепитие. Судя по сноровке, с которой он обеспечил каждого чашкой с ароматным чаем, выставил на тумбочку блюда с конфетами и нарезанным лимоном и сахарницу: хозяйничать на кухне своего научного руководителя ему было далеко не в первой.

Артем Николаевич наконец задумчиво отхлебнул дымящийся напиток из толстой керамической кружки, и его глаза прояснились, возвращаясь к реальности настоящего.

– Ну да ладно, молодые люди! – он заправил чашку лимоном и решительно разгреб свободной рукой место на ближайшем столе. – Давайте посмотрим, что вы мне принесли. И следите за своим зверем. Крысы – народ любопытный, а вот жрать что-то в этой комнате я бы ему не посоветовал.

* * *

– Итак, что же мы имеем... – ученый откинулся на спинку стула и потер глаз, вокруг которого окуляр микроскопа оставил забавную вмятину. – А имеем мы на данный исторический момент шиш, а не информацию.

– Совсем? – Алексей не ожидал таких слов от своего кумира.

– То есть просто абсолютно. Посуди сам. Книга явно ничем не пропитана и не защищена. По крайней мере, ничем таким, что я мог бы заметить вот так с ходу без комплексного анализа. Но в те времена и не могло быть ничего такого, для чего бы мне потребовался столь сложный анализ. Далее, книга явно не новодел и действительно по всем параметрам является очень старой. Что соответствует описанию того, как и где вы ее нашли.

Макс попытался вставить слово, но Алексей быстро пихнул его в бок, внимательно слушающая старика. А тот встал, с явным удовольствием потянулся и принялся мерно шагать вдоль стола, продолжая рассуждать совершенно лекторским тоном:

– При всем при этом книга сохранилась изумительно. То есть почти на все сто процентов. И это в условиях вечной влажности подполья. Причем, хоть и написана она на неплохой по качеству бумаге, шансов выжить у нее просто быть не должно. Все-таки, это даже не пергамент. И остатки прочих книг, которые вы наши там же, только это подтверждают. Да что там влажность! Вы вдумайтесь только: в книгах жили крысы! А это, знаете ли, смерть для печатной и прочей литературной продукции куда более быстрая, чем от времени. Сгрызут на конфетти – и не заметишь. В этой книге, как вы сами сказали, даже спал или прятался крысенок. И что? И ничего! Хоть бы разок нагадил туда для приличия! И это, опять же, при том, что гадят крысы достаточно неконтролируемо.

– Что, даже у себя дома? – не вытерпел Макс.

– Да, обычно даже у себя дома. У всех свои привычки и свои условности. Но даже если отбросить этот фактор, по совокупности остальных книга должна быть мертва. Но! – Старик вдохновенно поднял палец. – Это по классической науке.

– В смысле? – Макс уже совсем отчаялся представить, к чему клонит бывший ученый.

– В смысле, что, как я имел честь докладывать минут двадцать пять назад, я всю жизнь изучал другую сторону науки. И вот как раз в ней подобные случаи бывали – повышенная сохранность предмета путем различных энергетических воздействий на него. От египетских пирамид, из которых наши восточноевропейские друзья давно наловчились делать зернохранилища, до шаманских бубнов, которые тоже жили куда дольше положенного срока только за счет энергии хозяина.

На этот раз не вытерпел Алексей:

– А в данном случае? – спросил он, в нетерпении слегка приподнимаясь со стула.

– А в данном случае мои приборы молчат. Вот этим и этим, – сухой палец показал в сторону очередных коробочек со стрелками индикаторов, – я могу измерять или определять наличие большинства изучаемых нами полей. И на нуле. Нету тут никаких привычных мне энергетических воздействий. И меня это, честно признаться, в определенной степени угнетает.

– А могут быть неизвестные вам? Или не измеряемые? – предположил Макс.

– Правильно. Могут, конечно. Все может быть. Всегда находится что-то, что ты еще не изучал. Но это уже само по себе странно. Потому что большинство вещей я, думаю, хотя бы уловил... Надо бы теперь крепко подумать, что делать дальше.

– А, может, вы попробуете ее прочитать? Вдруг там все объяснено?

– Весьма конструктивное предположение. Только вот одна проблема – с алхимической латынью я почти не знаком. Не мой профиль, хотя и такие специалисты когда-то у нас были. А вот на расшифровку того, что вы назвали тут формулами или схемами, нужно время. Это же не современный учебник физики. Да и Менделеев тогда еще даже в планах не стоял. Так что тут одних только доморощенных обозначений самого автора может быть на полкниги.

– И что нам дальше делать? – спросил Алексей, с удивлением перелистывая пару желтых страниц. – Вы были нашей последней, наверное, надеждой.

– Ну. Я еще не сказал, что сдаюсь. – Артем Николаевич хитро прищурился. – Просто вместо элементарной загадки для начальной школы вы принесли мне задачу из диссертации. Тем интереснее. Если вы сможете оставить мне этот образец прикладной письменности, я с радостью попробую поковыряться в его прошлом. Но ничего, конечно, не обещаю.

– Оставим? – спросил Алексей у Макса.

– Ну, все равно делать больше нечего. Конечно, оставим. Только, Артем Николаевич, вы уж, пожалуйста, не попортите ее, ладно? А то вдруг она все-таки является исторической ценностью?..

– Ну конечно. Я еще не так уж и стар, чтобы получать удовольствие от ненужной деструкции, – пошутил ученый, сам улыбаясь своим словам. Наверное, шутка времен его молодости. – Кстати, вы не заметили, как ловко этот серый мошенник оставил нас без сладкого?

Взоры людей метнулись к забытому всеми Грызе, счастливо шуршащему фантиком за куском какой-то печатной платы.

* * *

Пока огромные и шумные человеки увлеклись его некогда столь удобной и теплой кроватью, Грызя решил, что вполне настало время пополнить запас калорий, подрастраченных на игры в дороге. Обильное кормление последнего времени сделало его чувствительным к регулярному приему пищи.

Легкое дуновение воздуха заставило нос крыса дрогнуть. Ура! И в этом человеческом убежище с едой было не хуже, чем в уже привычном ему доме Макса. Прямо неподалеку стояла некая невысокая конструкция, где белели плоские емкости, на которые человеки обычно кладут что-то съедобное. Дразнящие запахи подсказывали: они были совсем не пустыми. Бесшумно пробежавшись по столу, куда его машинально ссадили с плеча, Грызя мягко перепрыгнул прямо к цели. В одной емкости было что-то безумно кислое, но вот во второй... О! Во второй было то, ради чего он мог пойти на многое. Обычно продолговатые свертки восхитительно шуршащего тонкого покрытия таили в себе сладость и мягкость такого необычного лакомства, которого он до поселения у людей не пробовал никогда.

Только вот у его сожителя *Макса* эти вкусности были редкостью. Так что полюбить-то он их полюбил, а вот наесться ими вдоволь пока как-то не пришлось. Человек не раз отнимал у него честно украденный и очищенный от покровов коричневый батончик и цинично поедал сам. Даже если Грызя успевал основательно его понакусывать. Какая бестактность. Грызя аж передернулся, вспоминая, как удирал от огромного двуногого, сжимая в зубах честно добытое лакомство. Пойди убеги от такого большого и длинноногого монстра в замкнутом пространстве...

В этот же раз удача сама просилась в лапки. На белой гладкой поверхности высилась целая горка его любимого лакомства. В светло синей шкурке. Самое лучшее. Потому что внутри всегда была не только вкусная коричневая масса, но и хрустящие желтые слои. Сочетание совершенно непередаваемое – где растет такая пища Грызя даже не мог себе представить. И, самое главное, никто пока, похоже, не собирался крысу мешать. Человеки сгрудились

вокруг старого самца, зачем-то смотрящего на его бывшую кровать через смешную трубку. Значит, не очень-то они и хотят есть, если заняты играми. Следовательно, нечего пропадать ценным продуктам...

Схватив зубами *конфету* из кучки, Грызя все так же почти бесшумно соскользнул на пол, проскакал на пружинящих лапах в сторонку, повертел головой в поисках укрытия, а потом, повинаясь интуиции, заскочил, отталкиваясь от каких-то предметов, на соседний *стол* – он уже начал различать, как человек называют отдельные части своей обстановки – и спрятался за непонятной разноцветной штукой, приготовившись хорошенько пообедать. Его рот наполнился слюной. Острые зубки вспороли мягкую внешнюю шкурку добычи и тонкую, кислородную металлическую внутреннюю.

* * *

– Ай, молодец! – Артем Николаевич одобрительно покивал головой, глядя, как крыс, нагло стреляя глазами, торопливо принялся догрызать наполовину изъеденную «Мишку».

Кружево остатков сине-белого фантика усеяло поверхность стола вокруг Грызи, забавно разбавляя палитру технического хлама вокруг. Поняв, что обнаружен, крыс судорожно давился, но пытался напихать в рот как можно больше лакомства, прежде чем у него отнимут остатки.

– Что это он так торопится? – даже удивился ученый.

– Да он знает, что я не люблю, когда конфеты воруют, – несколько смущенно ответил Макс. – Я у него отбираю их всегда. Да и вредно, говорят, крысам сладкое...

– Ну ты и жук! – воскликнул Алексей. – Сам же фактически воровством кормишься, а другим не даешь, – он укоризненно покачал головой.

Ученый весело хмыкнул и продолжил:

– Всегда любил этих животных. Потрясающая степень адаптации к окружающему их обществу. Ну да пусть доедает, что теперь делать. Заслужил. А вот мысль он мне одну подал интересную...

С этими словами Артем Николаевич аккуратно взял плату, за которой прятался крыс-похититель. Предвидя лишение добычи, тот принялся жевать еще быстрее, больше похожий на хомяка, запасавшегося крошками конфеты на всю долгую зиму...

Глава 2. Первое понимание

К безмерному удивлению Грызи, старый самец не стал отбирать у него честную добычу. Видно, года прибавили ему мудрости. Разве можно издеваться над тем, кто ест такое?! Огромная лапа схватила предмет, за которым устроился крыс, и унесла его прочь. На этом человеки словно забыли о нем, вернувшись к первому *столу*, снова принявшись терзать его бывшую кровать своими странными штуками. Можно было доедать добычу спокойно, смакуя и наслаждаясь.

Кольнуло. В окружающем мире что-то сдвинулось. Изменилось. Стало как-то неуютнее. Может, сквозняк, задувший там, где раньше Грызю укрывал унесенный старым самцом предмет?.. Нет. Не сквозняк. Наконец, Грызю осенило настолько, что он опустил удерживаемый лапками кусок *конфеты* и тревожно оглянулся, возбужденно задергав ушами. Когда он прибежал сюда, его вело чувство. Чувство привычного уюта. Тот особый *запах-который-не-запах* именно того оттенка, к которому он так привык дома! Тот самый, которым пахла его теплая кровать необычных снов. И который несло То, что иногда светилось во тьме пещер. Этот оттенок был особым. Более тонким и более... Холодным? Нет. Несовместимым. Да, более странным к окружающему миру. Но все равно в памяти крыса он оставался таким уютным из-за его принадлежности к дому.

И вот теперь, с исчезновением предмета, этот запах исчез. Ушел. Другие, более живые остались, но не этот. Контраст с этим недолгим воспоминанием о настоящем домашнем уюте обрушил на Грызю тоску по первому дому. По его стае. По его родичам. По привычному и правильному миру. Еще раз провернув голову, зверек вдруг испугался вопроса: а кто будет его стаей теперь? Неужели на всю жизнь эти странные огромные создания?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.